

— ТРОПА КИРАНЧЫ —
ВЕНЕРА ЖУРАВЛЁВА

ПЕЧАТЬ
СЕРДЦА

КАЗАНЬ, 1970

18+

Тропа Киранчы

Венера Журавлёва

Тропа Киранчы. Печать сердца

«Автор»

2026

Журавлёва В.

Тропа Киранчы. Печать сердца / В. Журавлёва — «Автор»,
2026 — (Тропа Киранчы)

Гуляйха — студентка и рунолог из Казани, выросшая в семье хранителей древней Печати. Когда в городе начинают исчезать студенты, а в старых кварталах появляются странные знаки и тени, она оказывается втянута в тайну, о которой её род молчал веками. Следы ведут к Теневому Угулу — месту, связанному с древней сущностью Киран-Тару. Вместе с загадочным Амиром и существами из татарских преданий Гуляйха пытается понять, кто нарушил равновесие между мирами. «Тропа Киранчы» — атмосферное фэнтези с элементами мистики и городского фольклора, основанное на татарской мифологии. История сочетает мрачную сказочную эстетику, тему семейной памяти и напряжённое приключение о выборе, цене силы и границе между светом и тьмой.

© Журавлёва В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Там, где стены слушают.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Венера Журавлёва

Тропа Киранчы. Печать сердца

Глава 1. Там, где стены слушают.

Год стоял 1970-й. Время, когда Печать еще держала мир ровным, как стекло над глубокой водой. Ее натяжение не замечали большинство людей, но те, кто умел слушать стены, знали: реальность уже дала первую, почти незаметную трещину.

Сугробы таяли рывками, обнажая клочья темной травы и серый асфальт. Казань не любила хранить лишнего. Сбрасывала снег, как прошлогодние тайны. Гуляйха отодвинула ветку сирени. Почки на ней набухли не по времени. От ветки веяло теплом, но двор оставался в мартовской сырости, с остатками грязного снега в тени. Воздух был влажный, с терпким запахом земли.

Она задержала взгляд на тонких ветках. В них было что-то упрямое, они помнили больше, чем должны были. Прошлые зимы, теплые кухни, чай с медом, вороны на подоконниках. Сквозь сирень Гуляйха посмотрела в узкий проход между общежитием и соседним корпусом. Пусто. Только грязный лед и ржавые трубы, уходящие в подвал. Но тишина там стояла неправильная. В ней не хватало самого простого шороха шагов.

Общежития она не любила. Очень много одинаковых дверей, тесных коридоров, запахов чужой еды, случайных лиц в халатах и тапках. Но сейчас дело было не в этом. Пропала Лейсан. Они знали друг друга уже третий год. Истфак КГУ, кафедра истории. Гуляйха вела семинары, иногда читала лекции, разбирала курсовые и помогала профессорам с архивами. Лейсан почти всегда сидела на первых рядах.

Большинство студентов к концу пары начинали смотреть в окно или украдкой спать на партах. Лейсан слушала так, если бы каждая дата могла изменить мир. Она вечно носила с собой стопки исписанных листов. Конспекты напоминали поле археологических раскопок: стрелки, пометки, вопросы, цитаты. Иногда записи на полях были интереснее самой лекции.

Гуляйха однажды случайно заглянула в ее тетрадь и увидела: «Если бы Геродот жил в советское время, он писал бы очерки для «Советской Татарии». И наверняка спорил бы с редактором в каждом номере».

Тогда Гуляйха невольно улыбнулась.

— Очень самоуверенное предположение.

— Зато правдоподобное, — серьезно ответила Лейсан.

В этом была вся она. Для других история состояла из дат и фамилий. Для Лейсан из живых людей, которые просто родились давно. Неделю назад, за крепким турецким кофе в маленьком кафе на Кремлевской, она сказала:

— Есть работа мечты.

Гуляйха тогда только усмехнулась:

— Это когда за тебя могут посуду и еще платят.

Но Лейсан не шутила. В университетских фондах, говорила она, пылятся артефакты из верховьев Камы. Камни с рунами, которых никто прежде не видел. Гуляйха пообещала посмотреть, когда будет время. Времени теперь стало сколько угодно. Лейсан исчезла. И чувство вины цеплялось за нее так же упрямо, как мартовская грязь за подошвы. Если бы она открыла архив на неделю раньше, возможно, сейчас стояла бы здесь не одна.

Исчезла Лейсан красиво. Как из тех историй, которыми любила пугать первокурсников. Вчера вечером, по словам соседки, Лейсан вышла «на пару минут». С рюкзаком, в пуховике.

Бросила: «Надо кое-что проверить». А утром ее вещи так и лежали на стуле, ключи в кармане пальто. Самой Лейсан не было.

Вдоль дорожки к общежитию тянулись лужи с тонким льдом, хрустящим под ногами. А снегу в проходе, куда Гуляйха свернула, остались следы.

— Вот здесь, — подтвердил негромко вахтер, с легким южным акцентом. — Шла а потом будто провалилась. Она искала чего-то или кого-то несколько месяцев.

— Кто?

— Студентка ваша.

— Часто сюда приходила.

Он почесал затылок сквозь вязаную шапку и, оправдываясь, добавил:

— Я тут тридцать лет сижу, а такого не видел.

Следы действительно были странные. Три глубоких вмятины, как от тяжелого штатива. А дальше волнообразная дорожка по снегу прошла. Следы заканчивались резко. Но Гуляйха подумала, что исчезли они не потому, что кто-то ушел. А потому, что кто-то решил больше не возвращаться.

И рядом было кое-что еще. Интереснее.

— Кызык — пробормотала Гуляйха, чувствуя внутреннее напряжение.

На стене, чуть выше уровня глаз, чернел символ, нацарапанный чем-то острым. Похожие Гуляйха видела на обложках справочников по рунам. Только этот не сходился. Линии ломались, и, если смотреть чуть сбоку, казалось, что он двигается, пульсирует.

Она подняла руку, почти касаясь трещин в штукатурке. И в тот миг ощутила чужое взгляд из глубины тени. Из угла двора выступила фигура. Не шагнула, а скользнула. Худая, прозрачная, с лицом, в котором все было слишком остро. Серо-стальные глаза смотрели пристально, не моргая.

— Кем бу? Кто это? — дважды задала вопрос самой себе, с легким испугом.

Фигура плыла сквозь пространство, не касаясь земли.

— Граница тонка, — шепнул голос. Не звук даже, а шелест, как от сухих листьев. — Ты стоишь на ней.

Гуляйха дернулась, но фигура не приближалась, только слегка наклонила голову, будто прислушивалась.

— Не все, что тихо, безопасно, — добавил он, и воздух вокруг стал холоднее.

Она моргнула и двор снова был пуст. Клочок тумана колыхался у трубы. Сердце билось неровно, кто-то рядом дышал с ней в унисон. От веток сирени упал первый лепесток. Для марта это было невозможно. Гуляйха замерла. Знак на стене дрожал. Линии смещались и перекручивались. По ладони пробежал холод, пальцы свело судорогой. Без защиты идти нельзя.

— Коч — сорвалось с ее губ.

Она глубоко вдохнула. Рука дрожала, но двигалась уверенно. В воздухе медленно проступили линии — тускло-синие, как след от искры в темноте. Они складывались в квадрат с перекрестием. Легкое давление разлилось вокруг, будто прозрачный купол встал на место.

— Подготовить. Начертить. Напитать, — повторяла Гуляйха едва слышно, как молитву. И тяжесть с груди чуть отступила.

Свет из начертанной руны проник в воздух, создавая щит вокруг. Знак на стене перестал пульсировать. Теперь она могла идти дальше, ощущая защиту. Но сердце все равно колотилось, предупреждая: зло не ушло, оно просто смотрит.

Гуляйха протянула руку к символу снова.

— Не трогай. Он еще горячий.

Гуляйха замерла, с ощущением, что невидимая рука легла ей на затылок. Голос был негромкий, с оттенком насмешки и ровный, чужой, чтобы быть человеческим. Медленно повернув голову, она увидела его.

На краю грязного сугроба сидел черный кролик. Настоящий, с густой, лоснящейся шерстью, влажной от тающего снега. И в этой шерсти тлели искры: мелкие точки света вспыхивали и гасли. Он сидел абсолютно черный, даже усы. Только глаза глаза, как колодцы ночного неба. В них мерцали звезды. Не отражались — они жили там, вращались медленно — холодные, далекие.

— Кара куян... черный заяц или это кто-то другой?— выдохнула она почти как заклинание. — Ложиться спать нужно раньше. И кофе меньше...

— Раз слышишь — значит, время короткое, — кролик говорил без губ, голос будто шел прямо в уши. — Лейсан уже за границей. Хочешь — пойдешь следом. Но дорога туда — как лед весной: шагнешь, и вернуться можешь не суметь.

— Великолепно, — пробормотала Гуляйха. — Галлюцинация с чувством драматургии.

— Я не галлюцинация, — кролик повел носом, втягивая воздух. — От тебя пахнет рекой и металлом. Подходишь.

И прежде чем она успела возразить, зверь прыгнул в щель между корпусами — и исчез. Гуляйха осталась стоять, глядя на пустой проход. Символ на стене будто дрогнул, вспыхнул чуть ярче. И, собственному раздражению, она поймала себя на мысли, что выбора у нее нет. Если хочет узнать, что случилось с Лейсан придется идти за этим невозможным зверем. Она шагнула следом. Поначалу шла быстро, стараясь не думать, что идет за черным кроликом из чужих сказок. Сам факт этого похода уже казался ей нелепым.

Куян — так он себя назвал — двигался странно: то резко усканивал вперед, то застывал в полной неподвижности, пока она почти не подходила в плотную, и только тогда прыгал дальше. Его движения были не звериные, а какие-то рваные, как у тени, не решившей, в чем ей обернуться. Шаг, воздух дрогнул. На глазах спутник стал расти. Уши вытянулись, спина выгнулась, лапы глухо ударили по камню. Через несколько вдохов рядом с ней двигался уже не маленький зверек, а огромный черный кролик, почти вровень с ее плечом. Его глаза-звезды сияли ярче, и в их глубине крутилась бесшумная галактика.

Они шли вдоль стены корпуса, мимо ржавой двери, за которой басовито гудели трубы, и свернули в арку. Там тьма стояла гуще, чем позволял вечер.

— Здесь, — сказал Куян. — Слушай стены.

— Я больше читаю, чем слушаю, — буркнула она, но ладонь сама легла на кирпич.

Стены старые, кирпичные, с облупившейся штукатуркой. И стоило ей прикоснуться ладонью, как под кожей побежал холод. Камень был не просто холодным, в нем чувствовалась вязкая, безжизненная стужа. Гул поднялся из глубины фундамента. Низкий, упорный, как органная нота, тянущаяся бесконечно. Если закрыть глаза, можно было подумать, что это слова. Язык чужой, непостижимый, но мозг цеплялся за обрывки смысла, и от этого внутри все сжималось.

— Здесь их проводили, — сказал Куян. Звезды в его глазах медленно закружились. — Тех, кто шагнул глубже, чем позволено.

Она почти не удивилась. Где-то внутри нее было узнаваемо.

— Символ на стене — не просто метка, — продолжил кролик. — Это замок. Его сорвали. Гуляйха всмотрелась. Линии и правда были сбиты. Кто-то рассек их железом.

— Лейсан — голос ее дрогнул.

— Была, — коротко сказал Куян. — И открыла.

Она хотела спросить — что именно? — но из глубины арки раздалось шуршание. Сначала тихое, затем резче, с мерзким оттенком, как когти по мокрому дереву.

Куян юркнул за ее ногу.

— Не смотри в глаза, — сказал он тихо. — Что бы ни вышло.

Она попыталась ухмыльнуться: ну крыса, ну кошка. Но шаги показали обратное. Из тьмы выступили две длинные ноги, тонкие, изогнутые, как у кузнечика. Потом все остальное. Суще-

ство было выше пояса взрослого человека, его тело казалось слепленным из сухих ветвей и локутов ткани. Оно шаталось, но каждое движение отзывалось в воздухе скрипом и сухим хрустом. А там, где должен был быть рот, зиял вырез. Тот самый знак. И Гуляйха поняла: символ не просто замок. Это было лицо.

Гул усиливался, отдаваясь в груди и зубах, так если бы стены сами начали вибрировать. Камни становились плотнее, плотнее, и казалось, что подземелье дышит вместе с ними. Гуляйха прижалась к холодной стене, пальцы впились в шероховатую поверхность.

— Куда идти? — ее голос дрожал, но она старалась говорить тихо.

— По следам, — ответил Куян, глаза сжались до узких щелей. — Но осторожно. Они чувствуют страх.

Внезапно гул превратился в легкое шипение, кто-то скользил под полом, прямо под их ногами. Тонкие, неестественно длинные пальцы скользнули по камню рядом с ней, оставляя на стене еле заметные линии света. Они рисовали невидимую карту.

— Лейсан где она? — проговорила Гуляйха, но слова звучали нелепо и смеялись над ней эхо подземелья.

— Она уже внутри, — Куян повторил, и звезды в его глазах закружились быстрее. — Там, где руны становятся дверью.

Впереди вспыхнуло слабое свечение. Символ на стене ожил: линии начали медленно вращаться, соединяясь в фигуру, похожую на портал. Свет дрожал и от него веяло теплом и тревогой одновременно.

— Держись за мной, — сказал Куян. — И ни в коем случае не смотри на нее.

Именно в этот момент из тени выдвинулась фигура. Она не имела твердой формы. Световая иллюзия, движения которой напоминали медленный, ритмичный вдох. Шаг фигуры заставил землю дрогнуть, и холодный ветер прошел по позвоночнику Гуляйхи.

Она слотнула, но Куян уже прыгнул вперед, шепнув:

— Быстро, через символ!

Они проскочили несколько метров, как стены сжались за ними, оставляя только узкую трещину между собой и тьмой. Гуляйха почувствовала холодное касание за спиной — длинные пальцы тьмы пытались ее остановить. В глубине пространства мелькнула тень — едва различима из другой реальности. Сердце колотилось, легкие сжимались от напряжения. Она знала: это еще только начало, и то, что впереди, не прощает ошибок.

Внутри символа на стене там, где видимо исчезла Лейсан дрожало голубое свечение, то ярче, то тусклее, как пламя в глубоком колодце.

— Она там! — крикнул Куян. — Но осторожно. Слово еще не закончило дыхание.

Гуляйха сделала шаг, и мир вокруг дрогнул. Все стало зыбким, ненадежным, так реальность подстраивалась под магию. Меняло форму, пытаясь их проглотить. Оказавшись внутри символа, они ощутили, как воздух стал плотным, вязким. Каждый вдох проходил сквозь невидимую ткань. Пол исчез, а вокруг бесконечные спирали света и теней, закрученные в узор, похожий на гигантскую руну. Они шевелились, перекручивались.

— Оно дышит, — выдохнула Гуляйха. Линии света скользили по ее коже, оставляя легкое тепло.

Куян кивнул. Его глаза-звезды отражался вихр рун.

— Лейсан здесь. Но не полностью...

Перед ними появилась фигура. Полупрозрачная, вытканная из самой энергии символов. Очертания растворялись в сиянии. Лейсан подняла руку, и из нее вытекли тонкие нити, сплетающиеся с рунами вокруг.

— Я пытался удержать — тихо сказал Куян, и в его голосе мелькнула редкая боль. — Но слово живое. Оно не любит, когда его трогают.

Гуляйха шагнула ближе. Пространство дрожало, как мембрана, и каждый ее шаг отзывался легким толчком в груди. Линии рун реагировали на нее: вытягивались к руке, касались пальцев. Проверяли, кто она.

— Лейсан! — ее голос сорвался, но она тут же собралась. — Если ты меня слышишь мы тебя выведем.

Фигура на миг подняла лицо. В глазах мелькнуло знакомые черты. Или ей показалось? А потом линии вокруг затрепетали сильнее, сливаясь в ритм дыхания. И дыхание стало быстрее.

Сердце у Гуляйхи забилося чаще, в груди поселился чужой ритм. Она ясно чувствовала, что от этого места зависит не только спасение Лейсан, но и они сами. Вернутся ли они прежними или уже никогда. И свет начал менять форму, медленно складываясь в символ, который требовал их полного внимания и полного доверия.

Гуляйха шагнула на спирали сияния. Под ногами они дрожали, мягко пульсировали, как под кожей живого существа. Каждый ее шаг отзывался в пространстве тонкой вибрацией. Но теперь дрожь была иной изошренной, едва уловимой. Кто-то невидимый провел когтем по грани света, даже не касаясь его. Высоко над ними проскользнуло не движение, а скорее намек на него. Тень, длинная и прозрачная, как дыхание между строк старой рунической книги. Гуляйха вздрогнула, но, подняв голову, увидела лишь пустоту.

Линия под ее ногой изменилась. По ней прошел невидимый палец. По коже пробежал холод, тонкий, колющий, как инеевый след. Она моргнула и свет снова был ровным. Только чувство чужого взгляда не исчезло. Оно оставалось рядом — осторожное, едва различимое. Внутри символа свет дрогнул. Не просто вспыхнул, а словно вдохнул, подстраиваясь под движение, которого никто не видел. Куян нахмурился; глаза его закружились звездами сильнее, чем прежде. Это означало одно: к рунам прикоснулась чужая воля.

И тогда, на границе сияния, в зеркале, проскользнуло лицо. Бледное, прозрачное, растворяющееся быстрее, чем его можно было разглядеть. Но холодный взгляд остался и легкая вибрация в воздухе, как от шепота. Шепот, который слышишь не ушами, а кожей. Пространство вокруг символа вздрогнуло. Оно было живым, раздраженным, и недовольство его ощущалось внутри. Гуляйха почувствовала давление за спиной — не руку, не пальцы, а саму тьму. Подземелье держало, не давая идти дальше, тянуло обратно, в глубину.

Она сделала шаг, и каждый ее жест стал борьбой. Легкий шорох перерос в глухой рев. Стены ожили и начали сжиматься. А потом толчок. Резкий, яростный, как удар сердца земли.

Мир перевернулся. Гуляйха почувствовала, как ее тело летит сквозь холодный воздух. Куян рядом метался, боролся с невидимыми цепями. Лед обжег ступни, снежинки хлестнули по лицу, а в воздухе стоял запах сырости и древней, тягучей магии. Они вылетели наружу. Уличный свет резанул глаза, снег под ногами хрустнул и только дрожание воздуха позади напоминало: подземелье еще здесь. На горизонте, над аркой, висела темная вуаль — предупреждение.

Гуляйха жадно хватала воздух. Но сразу заметила силуэт в тени. Фигура стояла неподвижно, с холодным взглядом, от которого мороз пробирал глубже, чем зимний ветер.

— Орден, — прошептал Куян. — Они следят.

Мир казался прежним, безопасным. Но Гуляйха знала: подземелье их не отпустило. Оно лишь выдохнуло наружу и ждет, когда они вернутся. Она уже собиралась отвернуться, когда заметила на снегу что-то светлое. Возле арки лежал сиреневый лепесток. Свежий для марта и настоящий для дня, в котором стены шептали, а кролики говорили человеческими головами. Гуляйха подняла его двумя пальцами. Лепесток был теплым, так если бы его только что сорвали. Она нахмурилась и спрятала находку в карман пальто. И здесь Гуляйха заметила, что Куян снова уменьшился: огромный черный великан исчез, а рядом прыгал обычный кролик, легко поместился бы у нее на руках. Вся его внушительность осталась там, под землей.

Девушка присела на край скамьи, подтянув колени, и вспомнила бабушкины слова: «Везде, где тишина, слушай сердцем, не глазами». Эти следы имели свой ритм, почти песню, что она слышала в детстве, идя вдоль Камы сквозь осенний ветер. Она слышала его в свисте ветра между трубами, в скрипе старых дверей, и сердце ее тихо отзывалось: «Смотри внимательнее, дитя».

Гуляйха подняла глаза к небу. Вечер неторопливо спускался на Татарскую слободу, окрашивая каменные дома с лепными узорами в густой, теплый оранжевый свет. Еще днем стрелки часов показывали около четырех, но теперь день почти растворился в сумраке. И вместе с ним растворялось ощущение времени. Пора было возвращаться в домой.

— Ну и куда теперь? — спросила она, чуть приподняв Куяна, чтобы тот мог выглянуть наружу.

— Куда? — Куян моргнул своими круглыми глазами, мягко заурчал, как кот. — Разве не ясно? Куда ты — туда и я.

Он скривил мордочку в подобии усмешки:

— По-другому не умею. — «Шул гына», добавил он на татарском — «вот и все».

Гуляйха фыркнула и осторожно прижала его к себе, пряча в своем пальто. Маленькая черная мордочка торчала наружу, а все остальное теплое, невозможное существо устроилось у нее на груди так, словно оно всегда принадлежало этому месту.

Они вышли на центральные улицы. Шум вагонов сливался с запахом металла и легким озоновым привкусом троллейбусных проводов. Витрины отражали остатки закатного света, вывески на русском и татарском — «даруханэ» (аптека), «икмэк» (хлеб) — мерцали в сумраке. И в каждом огне, в каждом отсвете стекла чувствовалась невидимая нить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.